

Матушка снова улыбнулась, погладила меня по голове и медленно сказала:

— Сыцзы, помни, что талант — это хорошо, но иногда не стоит быть слишком ярким. Цуй Мин-дэ знает это, поэтому она добровольно вошла во дворец и никогда не показывает своих способностей перед нами. Вэй Хуань, хм.

Она покачала головой, усмехнулась и позвала Гао Яньфу:

— Завтра передай мои слова: награди Цуй Мин-дэ сотней кусков шелка, а остальным — по пятьдесят. Вэй Хуань ничего не давай.

Гао Яньфу почтительно поклонился. Я посмотрела на матушку и спросила:

— Значит, мне тоже стоит держать Вэй Хуань на расстоянии?

Те аристократки слишком строги в своих манерах, и мне с ними не по себе. Вэй Хуань же не так формальна, и с ней мне легче разговаривать.

Матушка снова улыбнулась, наполовину с любовью, наполовину с поучением:

— Сыцзы, ты — принцесса. Ты можешь общаться с кем хочешь и держать на расстоянии тех, кто тебе не нравится. Если они тебе совсем не по душе, скажи мне, и я отправлю их домой.

Я поняла, что поведение матушки было просто капризом. Эти девушки, включая Цуй Мин-дэ, вообще не были ей интересны.

Сегодня матушка была особенно ласкова со мной и даже заговорила о моих занятиях. Я и Ли Жуй — младшие дети, и наши уроки больше для развлечения. Ли Жуя хоть иногда контролирует отец, а я просто присутствую на занятиях, лишь бы не опаздывать и не шуметь. Остальные преподаватели, которые приходили к нам, даже не смели нас ругать. Мы учились только тому, что нам нравилось. Например, Ли Жуй любил верховую езду, стрельбу из лука, цуцзюй и охоту, поэтому он был близок с военными чиновниками. А я интересовалась рисованием и подружилась с библиотекарем Янь Чживэем. Боясь, что матушка спросит о моих знаниях, я избегала разговоров о классических текстах и искусстве, рассказывая только о забавных случаях на уроках. Матушка спокойно слушала мои рассказы, а когда мы подъехали к чертогу Цзычэнь и я собиралась сойти с паланкина, она вдруг улыбнулась и сказала:

— Ты так близка с твоим братом. Что ты будешь делать, когда он покинет дворец?

Я с любопытством спросила:

— Матушка, что значит «покинуть дворец»? Обычно это делают девушки, или я ошибаюсь?

Матушка терпеливо объяснила:

— Покинуть дворец — значит, твой брат будет жить за пределами дворца.

Я хотела сказать: «Но брат и так не живет во дворце», но вдруг поняла, что она говорит о Ли Жуне, и растерялась:

— Покинуть... дворец?

Не просто выйти из дворца для прогулки, а уйти от родителей и жить самостоятельно. Значит ли это, что он, как наш почти незнакомый четвертый брат, князь У Ли Бинь, уедет в свои

владения? Дворец Дамин и так был скучным, а если Ли Жуй уедет, я останусь одна. Как же мне будет одиноко?

Матушка, видя мое замешательство, снова улыбнулась и медленно вошла в чертог Цзычэнь. Я думала об отъезде Ли Жуя, и мне становилось все грустнее, но я не решалась сказать об этом матушке. Я последовала за ней во внутренние покои, где госпожа Ян уже ждала, чтобы отвести меня умываться. Матушка сняла верхнюю одежду и села за стол отца, просматривая доклады.

Мне вдруг захотелось подсмотреть, что написано в докладах, но это желание быстро исчезло, когда госпожа Ян усадила меня в специальную ванну. Две служанки начали мыть меня с двух сторон, а сама госпожа Ян мыла мне волосы. Ее руки были мягкими и ароматными, и она так ловко массировала мою голову, что я быстро начала засыпать. Не успев закончить купание и приблизиться к матушке, чтобы подсмотреть за ней, я уже крепко спала. А когда я проснулась, в чертоге уже был яркий свет, словно наступил полдень.

Я прикинула время и решила, что отец и матушка уже закончили свои дела. Спросив у слуг, я узнала, что отец уехал играть в конное поло с Ли Жуем, а матушка была в переднем зале.

Как только я встала, весь чертог засуетился. Одни приносили воду и принадлежности для умывания, другие — одежду и обувь, третьи — еду и напитки. Некоторые даже пытались меня развлечь. Меня раздражало, что так много людей крутится вокруг меня, и я, босиком, выскользнула из их круга и побежала в передний зал.

Гао Яньфу, как обычно, стоял у дверей с несколькими евнухами. Ему было чуть больше тридцати, и, если бы он не лишился своего мужского достоинства, он, вероятно, был бы красавцем с длинной бородой. Но теперь он выглядел как типичный красавчик, и даже улыбка его была мягкой. Он издали заметил меня и поклонился:

— Принцесса.

Увидев, что я босиком, он ахнул и поднял руку, словно хотел остановить меня. Но я проигнорировала его, пролезла мимо и вбежала в зал. Матушка сидела не на своем обычном месте, а стояла посреди зала. Я бросилась к ней, нарушив серьезную атмосферу. Когда я встала перед матушкой, я заметила, что на полу стоит на коленях человек. Она была одета не так роскошно, как матушка или я, но лучше, чем слуги. Ее волосы были распущены, и они блестели, словно отражая свет.

Мой шумный вход не вызвал у нее никакой реакции. Она продолжала стоять на коленях, опустив голову. Матушка улынулась и, указывая на меня, сказала:

— Сыцзы, познакомься с новой Цайжэнь Шангуань Ваньэр.

Женщина подняла голову, и я узнала Шангуань Ваньэр. Цайжэнь — это невысокий ранг для принцессы, но формально она была наложницей отца и моей мачехой. Я не могла быть с ней невежлива, поэтому кивнула ей. Шангуань Ваньэр выглядела растерянной и, увидев мой кивок, быстро наклонилась, словно хотела поклониться. Матушка кашлянула, и она остановилась, лишь слегка склонив голову:

— Принцесса.

Матушка махнула рукой, и Шангуань Ваньэр тихо отошла к двери, встав рядом с Гао Яньфу.

Я посмотрела на нее, потом на матушку, и вдруг поняла. Я потянула матушку за руку и спросила:

— Вчера говорили о должности женского историка. Я думала, это будет что-то вроде шангуна. Почему она стала Цайжэнь?

Должности шангуна, хотя и связаны с гаремом, все же имеют официальные обязанности. Цайжэнь же — это прямое звание наложницы, что означает, что отец может свободно посещать ее. Матушка всегда строго контролировала это, не позволяя отцу оставлять красивых служанок. Почему же теперь она внезапно присвоила звание Цайжэнь? И вообще, система рангов в нашем государстве строга. Даже звание цзы-цзюэ — это только пятый ранг. Шангуань Ваньэр, бывшая служанка из Етина, внезапно стала Цайжэнь пятого ранга. Не слишком ли это быстро?

Матушка не ответила, а спросила:

— А что ты думаешь, Сыцзы?

Я почесала голову и сказала:

— Может, в шангуне не было свободных мест?

Внутренний двор, как и внешние учреждения, имел ограниченное количество должностей.

Матушка покачала головой. Я хотела продолжить, но она заметила мои босые ноги, вздохнула и крикнула:

— Принесите обувь принцессы Чанлэ!

Гао Яньфу уже повернулся, но Шангуань Ваньэр быстро что-то сказала госпоже Ян и взяла у нее обувь. Гао Яньфу удивился, посмотрел на Шангуань Ваньэр, но та спокойно опустила голову и передала обувь ему. Гао Яньфу с гордостью вошел и, согнувшись, хотел надеть мне обувь.

Мне не понравилось его выражение лица, и я, вспомнив вчерашние слова матушки, наклонила голову и сказала:

— Я не хочу, чтобы вонючий мужчина надевал мне обувь.

Гао Яньфу и матушка одновременно удивились. Матушка улыбнулась, но сдержала себя и позвала:

— Шангуань Цайжэнь.

Гао Яньфу, увидев улыбку матушки, тоже улыбнулся, но я посмотрела на него строго, и он быстро стал серьезным, согнувшись и стоя в стороне.

Шангуань Ваньэр спокойно подошла, взяла у Гао Яньфу обувь и надела мне ее. Затем она помогла мне надеть одежду и аккуратно завязала волосы. Матушка осталась довольна ее обслуживанием и сказала:

— Теперь иди причешись.

[Примечаний нет]

<http://bllate.org/book/16278/1465847>